

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Документ, представленный на обсуждение (17)

«Турецкая дилемма» США в регионе Средиземноморья

Джон Альтерман, Центр стратегических и международных исследований (CSIS)

Женевский центр политики безопасности (GCSP)

Женевский центр политики безопасности (GCSP) – международный фонд, основанный в 1995 году и включающий 53 страны-участницы. Основной целью фонда является поддержание мира, безопасности и международного сотрудничества путем подготовки руководящих кадров, проведения прикладных политических исследований и диалога. Женевский центр политики безопасности обучает государственных должностных лиц, дипломатов, офицеров вооруженных сил, сотрудников международных организаций и НПО, а также представителей частного сектора, работающих в соответствующих сферах поддержания международного мира и безопасности.

Проект «Вызовы переходного периода в Сирии»

Данный проект предполагает многосторонний диалог и научные исследования, направленные на создание точек соприкосновения между ЕС, Россией, Турцией и США по трем вопросам: реформы, возвращение беженцев и восстановление. Проект реализуется Женевским центром политики безопасности совместно с Европейским университетским институтом (EUI), Сирийским центром политических исследований (SCPR) и Швейцарским фондом мира (Swisspeace).

Редактор:

Абдулла Ибрагим, ведущий исследователь проекта

Автор

Джон Альтерман

Джон Б. Альтерман является старшим вице-президентом, заведующим кафедрой глобальной безопасности и геостратегии им. Збигнева Бжезинского, а также директором программы «Ближний Восток» Центра стратегических и международных исследований (CSIS). До перехода в CSIS в 2002 г. работал в Отделе политического планирования Госдепартамента США, а также занимал должность специального ассистента Помощника Госсекретаря по вопросам Ближнего Востока. С 2009 по 2019 г. входил в исполнительную группу Начальника военно-морских операций. Параллельно с работой в политической сфере преподает курс ближневосточных исследований в Школе передовых международных исследований Университета Джона Хопкинса и в Университете Джорджа Вашингтона. Ранее являлся научным сотрудником Института мира США и Вашингтонского института ближневосточной политики, а также консультантом по вопросам законодательства при сенаторе Дэниэле П. Мойнихэне (демократическая партия, Нью-Йорк), специализирующимся на вопросах внешней политики и обороны. С 1993 по 1997 гг. был удостоен ряда наград как преподаватель Гарвардского университета, где получил докторскую степень (PhD) в области исторических наук.

Все содержащиеся в настоящем документе идеи являются исключительно соображениями автора и ни в коей мере не являются мнением издателя или организации, которую представляет автор.

Опубликовано в ноябре 2020 г.

Все права принадлежат Женевскому центру политики безопасности

Турция во многих отношениях бросает вызов Соединенным Штатам Америки в регионе Восточного Средиземноморья, являясь для них как союзником, так и соперником. Ее принадлежность и к Европе, и к Ближнему Востоку идет вразрез с политикой США, основанной на четком разделении данных регионов. Морская деятельность Турции создает препятствия для реализации преимущественно сухопутного политического подхода Вашингтона. Наряду с этим Анкара пытается укрепить свое влияние в регионе, где США играют немаловажную роль, стремясь при этом сократить свое присутствие. Что особенно важно – у США нет ни стратегии, ни политического курса в отношении Восточного Средиземноморья, что позволяет Турции действовать на опережение, в то время как Вашингтону и его союзникам остается лишь реагировать на ее действия. Стратегия как таковая не ослабила бы растущее напряжение в американо-турецких отношениях, однако могла бы дать возможность США лучше координировать политические вопросы как в рамках правительства страны, так и при взаимодействии с союзниками.

На протяжении десятилетий американо-турецкое сотрудничество оставалось оплотом международной стратегии США, однако в последнее время напряжение между странами стало нарастать. Кемалистское наследие Турции, внушительная регулярная армия, а также настороженное отношение к северному соседу, Советскому Союзу, – все это приносило пользу американской стратегии в течение половины столетия после Второй мировой войны. Однако за последние два десятилетия все три столпа американо-турецких отношений пошатнулись. Движение Турции к выраженному национализму, маргинализация армии со стороны политиков и поиск новых условий сосуществования с Россией делают Анкару сомнительным и проблемным партнером в глазах США.

Согласно утверждениям сотрудников Белого Дома при президенте Бараке Обаме, американский президент общался с турецким лидером Реджепом Тайипом Эрдоганом гораздо чаще, чем с главой любого другого государства – так близки были их отношения. Когда в апреле 2009 г. Барак Обама полетел в Турцию в рамках своей первой заграничной поездки в должности президента, он выступил перед турецким парламентом – что осталось незамеченным – и поднял темы, которые несколькими месяцами позже привлекли гораздо больше внимания в ходе его речи в Каире. Усилия по сближению с Турцией стали одним из немногих приоритетов администрации Дональда Трампа, унаследованных от Барака Обамы. Дональд Трамп неоднократно общался с турецким президентом, однако последнему удавалось оборачивать данные разговоры в свою пользу

для того, чтобы корректировать направление политики США по Сирии, Ливии и другим регионам.

Несмотря на то, что значимость Турции однозначно признается в политических верхах Вашингтона, в США не выработано конкретной стратегии по отношению к Анкаре. Отчасти это связано с тем, что вопросами Турции и ее деятельности занимаются различные структуры американского правительства. Основная его часть видит в Турции европейскую державу, однако растущее напряжение в ее отношениях с Европой наряду с активизацией деятельности на Ближнем Востоке (особенно в Сирии и Ливии) ставят в тупик большинство ориентированных на Европу дипломатов в американском правительстве. По большому счету, политику самой Турции на Ближнем Востоке определяет крайне узкая группа местных экспертов по данному региону. Однако широкое осознание Турцией ее исторических интересов на Ближнем Востоке в совокупности с выраженным желанием турецких политиков вернуть былую имперскую славу подталкивают страну к более активному участию в ближневосточных делах.

При Дональде Трампе у Турции на Ближнем Востоке руки были развязаны в большей степени, нежели в Европе. США длительное время старались не вмешиваться в сирийский и ливийский кризис, стараясь ограничить свое участие антитеррористическими операциями, что открыло новые пути для турецкой политики – динамичной и предприимчивой, опирающейся на мощные политические и дипломатические компоненты. Явное желание президента Трампа покинуть Сирию значительно ограничивало американскую политику, заглушая голоса других членов правительства, выступавших за препятствование Ирану и России – двум противникам США, прочно закрепившимся в Сирии и налаживающим отношения с Турцией.

Американская политика в Ливии сталкивается с еще большими трудностями. В то время как официально США поддерживают переговорный процесс ООН, само правительство (включая Белый дом) явно испытывает симпатию к восточному правительству, не в последнюю очередь из-за его тесных связей с близкими партнерами США – ОАЭ и Египтом. Поэтому поддержка Турцией западных сил не только создает новые проблемы, но и срабатывает двух союзников по НАТО (учитывая, что Франция поддерживает Ливийскую национальную армию на востоке). Очевидно, пик американского участия уже пройден. Турецкие связи с западным правительством отчасти носят стратегический характер, расширяя притязания Турции на большую часть Средиземноморья, чему в Вашингтоне явно не рады. Администрацию же Трампа, похоже, устраивает сценарий, при котором равновесие сил в ходе конфликта наступит естественным образом.

Турции все труднее добиваться терпеливого отношения со стороны США к ее действиям в Европе. В частности, сообщения о возможном применении недавно приобретенной зенитной системы С-400 для отслеживания греческих истребителей представляет собой серьезное отступничество в глазах многих членов НАТО, которые и так уже испытывают определенную степень недоверия, а в некоторых случаях – даже неприязни по отношению к Анкаре. Предпринимаемые в последние годы попытки Турции вступить в Евросоюз имели мало шансов на успех, однако разочарование по данному поводу лишь обострило конфликт между Турцией и рядом европейских стран (в особенности Францией). Конфронтация между французскими и турецкими военными кораблями, развернувшаяся за последний год в связи с бурением газовых скважин, свидетельствует не только о том, насколько серьезный оборот принимает ситуация, но и о том, что военное напряжение во франко-турецких отношениях может образовать трещины в структуре НАТО и спровоцировать разногласия в действиях НАТО и ЕС в сфере повышения безопасности в Средиземноморье. С точки зрения США и европейских держав, эта проблема требует решения.

По-прежнему неясно, какой политический курс возьмут США в январе 2021 г. В ходе предвыборной гонки за пост президента вопросам внешней политики уделялось крайне мало внимания. Тем не менее можно предположить, что победа Байдена ознаменует возврат к более систематическому процессу принятия решений в области международной политики и улучшению внутренней и внешней координации. Впредь союзники, вероятно, будут лучше осведомлены о действиях США и смогут рассчитывать на возобновление консультаций. Однако это не означает, что при Байдене Восточное Средиземноморье незамедлительно окажется в центре внимания или получит более высокий приоритет, чем при Трампе. Вот уже более года, как в рядах демократов бытует мнение о том, что Соединенные Штаты слишком сильно полагаются на военные, а не дипломатические или иные инструменты, поэтому в будущем, вероятно, США может начать эффективнее применять дипломатию. Однако нельзя утверждать, что она обязательно окажется эффективнее. Одним из вызовов на Ближнем Востоке является то, что, несмотря на свои непомерные силы, США борется с соперниками, интересы которых в данном регионе перевешивают американские. В таких условиях США теряет рычаги управления по мере того, как страны и движения, полагающие, что они столкнулись с экзистенциальной угрозой, оказывают упорное сопротивление США, во многом рассчитывающим на свой опыт. Вашингтон нередко воспринимал свои рычаги давления в ходе переговоров как должное и не предпринимал достаточных мер для их поддержки. В результате решающий голос оставался за другими сторонами.

Едва ли можно сказать, что в Средиземноморье когда-либо царила гегемония США, однако если Вашингтон сократит свое присутствие еще больше, что же тогда вообще останется? В регионе, несомненно, идет борьба за расстановку сил. Турция, по всей видимости, преследует четкую цель – расширение морского господства, – тогда как Россия ищет тактические возможности наращивания своего влияния. Стремления Франции, равно как и инструменты, которые она готова использовать для продвижения своих интересов, понять сложнее. Похоже, что Франция пристально наблюдает за США в попытках найти возможность партнерских отношений, позволяющих установить такой порядок в регионе, который бы соответствовал интересам как США, так и Франции. Без такого партнерства Франция встанет перед лицом сложного выбора: что она может сделать, что может себе позволить и с кем сотрудничать. Сложности, с которыми страна столкнулась, пытаясь заручиться поддержкой в проведении политической и экономической реформы в Ливане, – доказательство того, как тяжело ей дается роль лидера.

Турецко-французское партнерство можно, но сложно представить без одобрения, поддержки и непрерывного руководства со стороны США. Даже при сильном американском влиянии неизбежны значительные разногласия по поводу доступа к энергоресурсам (которые сильнее всего проявляются при обсуждении будущего Ливии), а также по поводу военно-морских операций в Средиземноморье. И хотя обе страны – и Турция, и Франция – заинтересованы в сдерживании российского влияния в Средиземноморье, обиды Турции по поводу отношения Евросоюза и французская поддержка ряда государств Персидского залива, проявляющих все большую враждебность к Турции, будут лишь усложнять дипломатический процесс.

Смогут ли Франция и Турция прийти к мирному сосуществованию зависит от того, продолжит ли Турция стратегию «Голубой родины» и решит ли Франция продвигать свое присутствие в Средиземноморье. Первое зависит от того, будет ли соответствовать стратегии военно-экономическое положение Турции; второе – ключевой вопрос безопасности для французского правительства. В частности, Франция будет внимательно наблюдать за исходом американских выборов 2020 г. в попытках решить, в чем может заключаться ее сотрудничество с США и какие возможности для нее откроет новый подход к американскому присутствию в Средиземноморье. Ухудшение американо-турецких отношений и предполагаемое возобновление отношений между США и Грецией могут открыть Франции новые пути.

Хотя Соединенные Штаты не могут контролировать процессы, происходящие в Восточном Средиземноморье, их действия и намерения бросают большую тень на планы

всех акторов в регионе. Так, на протяжении следующей половины столетия обстановка в регионе будет во многом определяться ответами на следующие вопросы: насколько быстро будет выработана стратегия по отношению к Турции в случае прихода к власти Байдена, какая роль будет отведена Турции в американских расчетах, а также как Турция будет отвечать на меры стимуляции и сдерживания со стороны США.